

ФЕНОМЕН ПОЛИТИЧЕСКОЙ РАЗДВОЕННОСТИ: КЛЮЧЕВЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

В статье обосновывается актуальность введения понятия «политическая раздвоенность», выводятся ее главные критерии и предлагается способ измерения дистанции. Основываясь на теориях роста политического экстремизма, коррупции и перепроизводства элиты, предлагается комплекс факторов для дальнейшей эмпирической проверки на конкретном историческом материале.

Ключевые слова: политическая раздвоенность, политическая элита, силовые, экономические и символические ресурсы, террор, коррупция.

В центре нашего внимания находится феномен политической раздвоенности – расхождения декларативных публичных обещаний и реальной практики принятия и реализации политических решений. Обоснование необходимости введения этого понятия и перспектив изучения феномена дано проф. Н. С. Розовым [2007].

В рамках этой статьи мы сформулируем понятие политической раздвоенности, выделим гипотетический комплекс факторов, способствующих увеличению и уменьшению дистанции, предложим комплексы исторических периодов, где, по нашему мнению, происходили ее рост и снижение.

Предлагаемый нами подход ближе всего к понятию теневой политики, предложенному в исследовании С. Ю. Барсуковой «Теневая экономика и теневая политика: механизм сращивания», где рассмотрена связь теневой экономики и теневой политики на примере осуществления ряда политических проектов. В ее работе речь идет о приватизации политики, продуктом которой становится не общественное благо в виде кодифицированных правил экономического развития, а частные возможности роста и подавления конкурентов [2006. С. 6].

Предлагаем для измерения дистанции политической раздвоенности ввести два критерия, действующих одновременно. По отдельности они могут рассматриваться как следствия политической или экономической

некомпетентности и выработки неадекватной ситуации стратегии решения проблем.

1. Декларируемое – реализуемое (совпадение реализуемого с декларируемыми целями развития – несовпадение с декларируемыми целями развития).

2. Властная универсализация – властная персонификация (приоритет формальных практик производства властных отношений – приоритет неформальных практик производства властных отношений).

Первым параметром выступает совпадение с декларируемыми целями – несовпадение с декларируемыми целями. Он означает ситуацию, когда люди, находящиеся на государственных должностях (последние обеспечиваются за счет бюджетного финансирования и подразумевают для выполнения государственных функций соответствующие полномочия), не выполняют публично данных обещаний. Выделим как идеальный тип «0» дистанцию политической раздвоенности, когда все, что провозглашено, все заявленные инициативы находят отражение в соответствующем законодательстве, обеспечены всеми ресурсами и реализуются в полном объеме.

Дистанция «1» – дистанция, когда политические инициативы заявлены и скорее реализуются, чем не реализуются.

Дистанция «2» – дистанция, когда заявленные инициативы скорее не реализуются, чем реализуются.

Дистанция «3» – дистанция, когда повседневная политическая, экономическая и социальная практика противоречит заявленным декларациям, и соответственно, декларации не имеют никакого значения при принятии политических решений на всех уровнях государственной власти.

Второй параметр «приоритет формальных практик производства властных отношений – приоритет неформальных практик производства властных отношений» позволяет рассматривать особенности применения властных ресурсов. Он подразумевает исследование способов реализации политических решений в отношении приоритетов интересов «общее – частное». Наиболее близким феноменом к изучаемому в этом случае параметру явлений будет феномен коррупции.

При рассмотрении ресурсов власти, т. е. средств, с помощью которых может быть обеспечено желаемое поведение объекта, наиболее удобной является типология, предложенная Майклом Манном. С одной стороны, она во многом пересекается с классическими положениями ресурсных теорий власти М. Вебера, А. Этциони, Р. Коллинза; с другой – служит основанием для выделения различных типов субэлит, группируемых вокруг каждого из типов ресурсов.

М. Манн рассматривает четыре источника социальной власти: идеологические, экономические, военные и политические отношения, которые, с одной стороны, накладываются на всевозможные сети социальных взаимодействий, с другой – представляют собой организации (наборы правил, ролей и ритуалов), создаваемые людьми для достижения различных специфических целей [Mann, 1986].

Идеологические практики (соответственно, идеологические ресурсы), устойчивые комплексы взаимодействий, возникающих по поводу «вечных» вопросов человеческого существования (смысл и цели жизни, основы чувств вины и стыда, совесть и счастье и т. д.).

Экономические практики (экономические ресурсы). Экономическая жизнь, связанная с производством, реализацией и распределением материальных ресурсов, мало соприкасается с политикой.

Силовые практики (силовые ресурсы). Хотя современная научная традиция, начи-

ная с М. Вебера, возможность легитимного насилия связывает с исключительными прерогативами государства, М. Манн вполне резонно разделяет управление территорией и силовые организации.

Политические практики (политико-административные ресурсы). М. Манн подчеркивает специфику этой сети, находя ее в том, что она имеет своей первичной функцией регулирование споров и конфликтов на данной территории, в чем заинтересованы входящие в иные сети.

Кроме перечисленных, необходимо выделить еще один тип практик, который, с одной стороны, не сводится к четырем перечисленным выше, с другой – несомненно, потенциально представляет собой ресурс доминирования и может быть задействован для реализации как общезначимых, так и групповых и индивидуальных интересов. Это социальная практика и сети доверия. Специфика этих сетей заключается в том, что они представляют собой дополнительный ресурс, действующий вместе с другими типами ресурсов (идеологическими, экономическими, политико-административными, силовыми).

Предлагаем оценивать рост дистанции по шкале от «0» до «3», где рост означает преобладание неформальных практик над формальными. Например, для оценки роста дистанции в отношении использования силовых ресурсов «0» – представляет собой ситуацию, при которой служба в силовых структурах подразумевает четкую субординацию и иерархию и безукоризненное следование законодательству при выполнении своих функций.

Можно выделить три степени проявления роста дистанции:

«1» – дистанция, при которой растет экономическая активность сотрудников силовых структур, самостоятельно (вне действующего законодательства) предлагающих физическую защиту тем или иным лицам и организациям;

«2» – дистанция, при которой силовые организации не пресекают преступную деятельность индивидов и объединений, направленную на подготовку и реализацию физических угроз жизни и здоровью своих граждан (подданных);

«3» – дистанция, при которой представители силовых структур выборочно и активно осуществляют нарушения законодатель-

ства и превышают свои полномочия в отношении отдельных лиц, экономических или идеологических организаций, или каких-либо категорий населения (этнических или социальных).

Признаками роста дистанции в отношении идеологических практик являются, с одной стороны, популярность и распространение среди политической элиты альтернативных официальной идеологии (идуших вразрез с основными экзистенциальными смыслами, нормами и эстетикой) и одновременно требования к соблюдению идеологической дисциплины.

Рост дистанции в отношении экономических практик может оцениваться через экспертные оценки роста и снижения коррупции. Именно экспертная оценка по сей день служит здесь основным инструментом. Вместе с соотношением заработной платы (жалования) и стандарта потребления (средство передвижения, одежда и питание, образ жизни) он в целом дает хоть и приблизительную, но вполне удовлетворительную для целей данного исследования оценку поведения государственных мужей в этой сфере.

Косвенным индикатором роста дистанции в отношении политико-административных ресурсов является рост нарушений официальных процедур при принятии важнейших решений. Смещение активности в область неформальных договоренностей и формализация протоколируемых мероприятий, неоднократно фиксируемые в определенных периоды в исторических исследованиях, выступают в качестве вполне надежного индикатора роста политической раздвоенности.

Рост числа лиц, получающих должности в государственном аппарате и состоящих в одних социальных сетях с лицом, принимающим решение о назначении, является дополнительным косвенным индикатором роста дистанции.

Таким образом, можно говорить о росте политической раздвоенности тогда, когда провозглашенные от лица государства политические, экономические и социальные приоритеты не реализуются на практике с одновременным распространением неформальных отношений, за которыми просматриваются коррупционные и властные интересы политической элиты.

Понятно, что выработка, экспертиза и реализация политических решений связаны с непосредственным субъектом этой деятельности – политической элитой. Она определяется в исследовании как часть руководителей и лидеров государственных, экономических и общественных организаций, которая непосредственно вовлечена в процесс принятия и реализации решений, затрагивающих жизненные интересы всего общества. Эмпирическим индикатором здесь служит право верхней подписи на соответствующих полномочиям документах или внесение фамилии в протокол для голосования по важнейшим вопросам.

Согласно одному из современных подходов к идентификации членов политической элиты, который предложил американский ученый В. Домхофф, критериями элитного статуса выступают: позиция (кто занимает ключевые должности?), репутация (кто выделяется личностными качествами?) и возможности (кто побеждает в конфликтах и может блокировать нежелательные для себя решения?)¹. В соответствии с этими тремя критериями можно выделить три уровня политической элиты: сверх-элита, элита («собственно элита», «ядро элиты») и элитные аспиранты («элитный пул», «претенденты в элиту»).

Итак, при каких условиях в политической элите происходит противоречащий всем объявленным политическим декларациям рост идеологического лицемерия, коррупции, влияния силовых структур и скрытого приоритета неформального над формальным. Этих явлений практически нет в традиционных обществах, и они минимальны в обществах первого эшелона модернизации. В первом случае, их нет в силу традиционных форм господства и слияния политического курса с его непосредственным носителем – вождем (монархом), во втором, созданы достаточно эффективные социальные механизмы, позволяющие минимизировать политическую раздвоенность. В традиционном обществе пока лидер эффективен, силен и способен доминировать, его деятельность не подвергается сомнению и не нуждается в каких-либо рациональных

¹ См.: Domhoff W. Power Structure Research and the Hope for Democracy // http://sociology.ucsc.edu/whoruslesamerica/theory/power_structure_research.html

обоснованиях. Как только он ослабевает, он гибнет или, что случается гораздо реже, уступает свое место другому.

В модернизированных обществах идеологическая целостность и социальная солидарность, эффективный внешний контроль над бюрократией через разделение властей и средства массовой информации, гражданский контроль над силовыми организациями и рационально правовая легитимация власти обеспечивают в большинстве случаев совпадение деклараций и деятельности. Доказательством могут служить как рейтинги коррупции, так и многочисленные публичные скандалы, связанные с политической нечестностью и экономической нечистоплотностью.

Сосредоточим свое внимание на теоретических положениях, объясняющих причины каждого из признаков политической раздвоенности. В первую очередь, нас интересуют позволяющие осуществить эмпирическую проверку концепции, построенные на историческом эмпирическом материале. В этом случае логично взять за основу ключевые положения теории М. Манна, подробно описывающего процесс становления Западно-Европейских государств и современных Соединенных Штатов, как процесс подчинения государства (организации, осуществляющей разрешение конфликтов на территории) интересам экономических элит.

М. Манн не считает такую ситуацию запрограммированной и допускает, что при других обстоятельствах возможны другие конфигурации властных сетей. Предположим, что в ходе российской истории произошло подчинение идеологической и экономической сети сетям силовым и государственным. Даже поверхностный взгляд на историю Российской империи и Советского государства находит множество подтверждений тому, что роль силовых организаций является ведущей в истории российской государственности.

Рост и распространение силовых практик, выступающих как разновидность экстремизма, объясняется Э. А. Паиным через гипотезу о том, что в основе роста экстремизма – процессы незавершенной модернизации и культурной маргинальности, неадекватной политики государства и появление идеологов и организаторов насильственных форм борьбы [Паин, 2002].

Взаимосвязь роста дистанции политической раздвоенности и незавершенных модернизационных процессов становится более очевидной, если рассмотреть комплекс причин, усиливающих такой показатель политической раздвоенности, как уровень коррупции. Здесь, для выделения факторов роста дистанции особое значение имеют результаты исследований, проведенных ИНДЕМ Центром под руководством Г. Сатарова. В статье «Как измерять и контролировать коррупцию» приведены данные о резком росте коррупции с 2001 по 2005 г. и выдвинута гипотеза о том, что основной причиной стало отсутствие контроля над бюрократией. Из этого сделаны два вывода. Во-первых, эффективность борьбы с коррупцией будет достигнута только при восстановлении внешнего контроля над бюрократией. Во-вторых, необходимо изменить существующий подход к трансформации институтов. Если не учитывать особенности естественного роста и сопряжения институтов, то их грубая трансплантация, заимствование или импорт всегда вызовут эффект отторжения [2007].

Объяснение роста политической раздвоенности в отношении идеологических практик вполне укладывается в рамки концепции средневекового арабского ученого Ибн Халдуна и является признаком ослабления естественных механизмов социальной солидарности или асабии. В настоящий момент эти идеи нашли отражение в структурно-демографических теориях (Д. Голдстоун, П. Турчин, А. Коротаев, Н. Розов). Здесь усиление конкурентной борьбы в элите (в первую очередь, в символической форме) происходит вследствие ее демографического роста (а именно в случае, если скорость роста элиты больше, чем скорость роста населения). Перепроизводство элиты с одновременным ростом уровня ее потребления приводит к усилению конфликтов между членами элиты за уменьшающийся объем ресурсов. В ходе борьбы элитных группировок на фоне роста населения и, соответственно, роста расходов государства на армию, флот и содержание элиты, доминирование ведущей элиты ставится под сомнение [Турчин, 2007].

Таким образом, рост политической раздвоенности происходит после решения первых модернизационных задач, связанных с восстановлением геополитического пре-

стижа. Так как на первом этапе действующей политической элиты, во-первых, не хватает для решения масштабных задач, во-вторых, часть ее против преобразований, несущих определенную угрозу традиционному положению и образу жизни; необходимо интенсифицировать социальную мобильность, для чего дается максимально широкий комплекс обещаний и гарантий. Происходит резкое расширение состава политической элиты, в первую очередь в его силовом сегменте. Однако вновь рекрутированный эшелон, во-первых, должен получить за службу свою долю привилегий; во-вторых, не обладает должным опытом управления (скорее, является носителем традиционных для низших слоев населения методов, основанных на принуждении); в-третьих, рассматривается как маргинальный и чужеродный элемент и в тех привилегированных группах, в которых должен налаживать взаимодействие, и в тех группах, откуда ведет свое социальное происхождение. В этих условиях гарантией сохранения статуса являются лояльность к непосредственному руководству и беспрекословное выполнение поручений. После решения военных задач происходит сокращение силовых структур, и часть военных переходит в гражданские учреждения и канцелярии, перенося в мирную жизнь комплекс сложившихся во время службы норм и навыков решения проблем. Коррупционная составляющая усиливается невысоким жалованием и потребностью поддерживать достойный статус образ жизни и, в силу достаточно расплывчатого законодательства, широко распространенными полномочиями.

Через определенное время высший эшелон элиты теряет контроль над бюрократией и вынужден создавать внутри бюрократические контрольные структуры (жандармерию, НКВД и КГБ), либо предоставить возможности для внешнего контроля, в основе которого – широкое привлечение общественности.

Со временем часть привилегий и доходов легализуется, диктат высшей власти начинает тяготить, число членов элиты и элитного пула возрастает, авторитет власти в силу невыполнения обещаний (не элитные слои вообще-то хорошо всегда помнят, что власть им обещает) падает. Пока есть возможность поддерживать приемлемый образ жизни, нет явных признаков падения меж-

дународного престижа и экономического и технологического отставания, отношения среди эшелонов политической элиты складываются по формуле: «Вы делаете вид, что руководите, мы, что выполняем». Когда наступает кризис, выясняется, что и в элите, и элитном пуле нет дееспособного вменяемого субъекта. И все начинается сначала...

Рассмотренные теоретические положения позволяют выдвинуть гипотезу о том, что рост политической раздвоенности происходит в условиях окончания первого этапа модернизации при перепроизводстве силовой субэлиты вследствие отсутствия внешнего контроля над процессом принятия политических решений.

Следующим шагом будет сопоставление ярких случаев роста снижения дистанции. Отметим, что конкретный исторический материал, «сословное» и «тоталитарное» общество сразу накладывает ряд ограничений на работу с эмпирическим материалом, тем не менее, определенные периоды уверенно тяготеют либо к росту политической раздвоенности, либо к ее снижению. Например, для Российской империи периоды правления Екатерины I, Александра I, Александра II и второй, довоенный период правления Николая II (думская монархия) можно отнести к случаям снижения дистанции, а периоды правления Павла I, Николая I, Александра III и первый период правления Николая II – к ее росту.

Таким образом, при сопоставлении наиболее ярких исторических случаев роста – снижения дистанции политической раздвоенности будет проверена гипотеза, согласно которой рост политической раздвоенности происходит в условиях окончания первого этапа модернизации при перепроизводстве силовой субэлиты вследствие отсутствия внешнего контроля над процессом принятия политических решений.

Список литературы

Барсукова С. Ю. Теневая политика и теневая экономика: механизмы сращивания. Препринт WP4/ 2006/ 01.М.: ГУ ВШЭ, 2006. 48 с.

Паин Э. А. О роли формальных и неформальных институтов в эскалации экстремизма и терроризма // Куда идет Россия?.. Формальные институты и реальные практики / Под ред. Т. И. Заславской. М., 2002.

Розов Н. С. Общественно политические кризисы – причинная динамика и возможности преодоления // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия. 2007. Т. 5, вып. 1. С. 41–49.

Сатаров Г. Как измерять и контролировать коррупцию // Вопр. экономики. 2007. №1. С. 4–10.

Турчин П. В. Историческая динамика. На пути к теоретической истории. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 368 с.

Mann M. The Sources of Social Power. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1986. Vol. 1: A History of Power from the Beginning to A.D. 1760.

Материал поступил в редколлегию 19.07.2010

Yu. A. Pustovoit

**THE PHENOMENON OF POLITICAL DIVARICATION:
KEY THEORETICAL POINTS**

The author provides arguments for the introduction of the concept of «political divarication» and offers a methodology for measuring distance. Taking as a research background theories explaining growth of political extremism, corruption and overproduction of elite, he offers a number of factors for further empirical verification with the help of specific historical data.

Keywords: political divarication, political elite, power, coercive resources, economic and symbolic resources, terror, corruption.